

ДЕФОРМАЦИИ ДЕМОКРАТИИ КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ КОММЕРЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ГОСУДАРСТВ

К. Н. Козлов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 19 декабря 2024 г.

Аннотация: феномен гибридных режимов – от делегативной демократии до электорального авторитаризма – особенно сложен для изучения в разрезе своих форм и факторов развития, поскольку является не просто слагаемым из демократических слабостей и теневых политических практик (ТПП), но реально функционирующей автономной государственной системой. Гибридные политические режимы не только используют все возможные механизмы ТПП (коррупцию, черные выборные технологии, удержание власти политическими кланами и т. д.), но и выступают важным институциональным фактором формирования коммерциализированных (неопатримониальных) государств. Автор статьи ставит своей целью раскрытие их сущности, отличительных черт и политических последствий их функционирования. **Ключевые слова:** гибридный режим, делегативная демократия, коммерциализированное государство, неопатримониализм, теневые политические практики (ТПП).

Abstract: the phenomenon of hybrid regimes – from delegative democracy to electoral authoritarianism – is especially difficult to study in terms of its forms and development factors, since it is not just a component of democratic weaknesses and shadow political practices (SPP), but a really functioning autonomous state system. Hybrid political regimes not only use all possible SPP mechanisms (corruption, black election technologies, retention of power by political clans, etc.), but also act as an important institutional factor in the formation of commercialized (neopatrimonial) states. The author of the article aims to reveal their essence, distinctive features and political consequences of their functioning.

Key words: hybrid regime, delegative democracy, commercial state, neopatrimonialism, shadow political practices (SPP).

Изучение различных форм организации и функционирования политической власти всегда занимало определяющее место в рамках проблематики политологических исследований. Формы правления, характеристики политических режимов, организация государственного устройства и сегодня относятся к мейнстриму политической науки [1–5]. Вместе с тем эйфория по поводу перспектив «триумфального шествия» демократии по всему миру, свойственная рубежу XX–XXI вв. («третья демократическая волна» по С. Хантингтону) [6], постепенно сменилась более пристальным вниманием к реальным политическим практикам, заметно корректирующим некоторые устоявшиеся теоретические представления о политических явлениях и процессах. В последнее время все большее число исследователей фиксируют очевидный авторитарный тренд, характеризующий современный этап мирового развития, связывая его не только с субъективной волей политических акторов, но и с рядом объективных обстоятельств, затрудняющих

использование демократических процедур для оперативного принятия политических решений [7].

Однако переход от демократического тренда к авторитарному представляет собой эволюционный процесс, в рамках которого нормы и практики демократического политического взаимодействия постепенно корректировались и трансформировались в иные нормативные и коммуникативные форматы, в большей степени отвечающие интересам доминирующих политических акторов. На смену былой терминологической определенности («демократия versus авторитаризм») приходит понятие «гибридность» как попытка описания новых политических реалий, возникших в условиях «переходности», кризиса традиционных политических институтов, социокультурного разнообразия и т. п.

Наибольшую популярность понятие «гибрид» приобрело в исследовании современных политических режимов, что подтверждают статистические данные ведущих международных журналов [1, с. 17]. Гибридное качество применительно к политическому режиму проявляется в том, что он сочетает демократические процедуры и механизмы управления с авторитарными. Отсюда рождаются новые, уточняю-

щие определения режимов в логике «демократии с прилагательными»: «диктобланда» (результат проведения либерализации без демократизации) и «демократура» (демократический переход без проведения либерализации). Эти концепты, разработанные известными политологами Г. О. Доннелом и Ф. Шмиттером на материале латиноамериканских стран, не получили широкого хождения в политической науке по причине уникальности объекта исследования. Тем не менее позже Г. О. Доннелл, опираясь на методологию структурного подхода к объяснению развития и укрепления демократии, выделил новый тип гибридного режима, который он называет «делегативной демократией». Этот режим имеет несколько ключевых особенностей:

1) регулярное проведение выборов главы исполнительной власти, который становится основной фигурой интерпретаторов национальных интересов на ограниченный срок;

2) низкий уровень институциональной организации власти;

3) наличие в системе исполнительной власти неформальных правил, сроков и системы отношений, которые позволяют переизбирать руководителя этой власти; при этом реальные, законные ограничения работы исполнительной власти являются несерьезными;

4) законодательная власть носит формальный характер и является инструментом для преследования интересов представителей исполнительной власти;

5) гражданские права и свободы де-факто существуют и соблюдаются;

6) политика, проводимая избранным национальным лидером, носит радикальный характер;

7) формальные инструменты согласования интересов слабы и замещаются неформальными инструментами личных или групповых договоренностей;

8) горизонтальная система контроля работы исполнительной власти функционирует слабо.

Как видно из вышеописанных характеристик, режим делегативной демократии несет в себе значительный риск автократизации власти и разрушения демократических институтов, которые не способны противостоять бесконтрольной политической воле руководителей, игнорирующих политико-правовые и моральные ограничения своей власти. Г. О. Доннелл выделял, что делегативный тип правления исследовался в контексте авторитаризма под терминами бонапартизм, цезаризм, каудилизм, популизм и т. д. Этот режим также следует рассматривать как своеобразный вид демократии, который интересно сочетает в себе черты как упомянутых авторитарных форм, так и свои отличия от них. Однако даже если делегативную демократию с теми или иными оговорками и можно отнести к демократическому типу правления,

тенденция к укреплению демократических политических институтов крайне невелика [8, с. 190]. Кроме того, достаточными и необходимыми условиями для успешного функционирования такого типа режимов являются любые виды коррупции, включая активную теневую деятельность политических кланов, корпораций и групп интересов, а также широкое применение административного ресурса и «грязных технологий» в электоральных процессах.

Дальнейшие исследования гибридных режимов все больше демонстрировали характерные для них серьезные дефекты в области конкуренции, политического участия и конституционализма, что непосредственным образом отражалось на структуре, легитимации и способах осуществления политического господства [9, с. 8]. Оценки ученых все чаще свидетельствуют о том, что данную группу политических режимов следует относить к авторитарному семейству, а не к разновидностям демократии, несмотря на наличие у них определенных демократических атрибутов. Кроме того, ранее существовавшие представления о недолговечности и слабости, уязвимости таких режимов постепенно заменяются осознанием того, что они представляют собой самостоятельные и автономные типы политической организации власти, обладающие значительной устойчивостью на длительный срок.

Это обстоятельство стимулировало внимание исследователей не только к институциональным характеристикам указанных гибридных режимов, но и к их «внутренней жизни»: внутриэлитным коммуникациям, лоббистской практике теневых структур, коммерциализации государства, подмены общественного блага узкокорыстными и корпоративными интересами. В политическую науку возвращаются понятия «патримониализм» и «неопатримониализм», разработанные в свое время классиками политической науки – М. Вебером и Ш. Айзенштадтом [10; 11].

Патримониальный режим означает такой тип политического господства, который базируется на центральном положении фигуры политического лидера. Классическое веберовское прочтение патримониального государства предполагает «отсутствие различий между публичным и частным секторами, поскольку публичные дела являются личным делом «патриарха», так или иначе относятся к его вотчине» [10, с. 242]. Неопатримониальные государства отличаются от патримониальных тем, что поддерживают внешний фасад легитимного и рационального управления, устойчивых модернизационных процессов, эффективной и профессиональной работы бюрократической системы. При этом сам термин «неопатримониализм» постепенно стал использоваться для описания режимов всех государств, которые приоритетно стали выстраивать и развивать механизмы

обеспечения неформального политического патронажа бывших социалистических стран вместо усиления устойчивости институтов демократии – хотя раньше он применялся лишь для характеристики режимов «стран третьего мира» (например, стран Латинской Америки, Азии, Африки, таких как Кот-д’Ивуар, Филиппины, Гаити и пр.).

В современной политической науке все чаще стали функционировать понятия коммерческого государства или государств-корпораций. Последние представляют собой опасные теневые практики глобального масштаба. Стратегия личного обогащения в такой системе предполагает наличие ряда параметров:

1) публичные должности (чиновники, политики, представители публичной политики и государственного аппарата) являются активом, который имеет определенную цену;

2) структура власти является полностью или по большей части коммерциализированной, а система власти приоритетно функционирует как источник получения дохода;

3) ключевым механизмом продвижения внутри властной структуры становятся отношения «благодарности» за те или иные карьерные достижения и перспективы;

4) получаемый лидерами системы доход, строго говоря, нельзя считать коррупционным, поскольку бенефициары извлекают его не в результате нарушения законов, а вполне в рамках установленных правил.

В коммерческих государствах основной целью существования и функционирования государственного аппарата является бизнес. Главными бенефициарами этого бизнеса являются публичные политики, госслужащие и их ближайшее окружение (семья и родственники, а также деловые партнеры), а продвижение по карьерной лестнице в политической системе прямо связано с увеличением дохода от существующего бизнеса. Более того, сам государственный аппарат настраивается таким образом, чтобы стабильно пополнять и распределять бюджетные средства по трем основным потокам – большая часть присваивается бенефициарами системы, меньшая часть уходит на закрытие минимальных потребностей населения, а самая малая часть обеспечивает поддержку материальной и социальной инфраструктуры. В таком виде, поскольку основной приоритет отдается получению доходов бенефициарами системы, обычно улучшения в технологическом развитии и уровне жизни населения не наблюдаются.

Бизнес и получение дохода политическими акторами и есть суть «коммерческого государства». При этом его нельзя рассматривать как результат «присвоения государства», так как реальная власть при-

надлежит легитимно избранным или назначенным должностным лицам. Коммерческое государство, как и любая демократия, имеет полный набор формальных признаков и демократических институтов полноценного государства – разделение властей, налоговую, судебные системы, армию, внешнюю политику, – однако фактически представляет собой бизнес-структуру, которая лишь имитирует государственный порядок.

Эта имитация определяет как сильные, так и слабые стороны системы. Сила заключается в том, что, обладая признаками государства, коммерческое предприятие может реализовывать возможности, недоступные ни одной корпорации или мафиозной группировке. Оно имеет право вести активную внешнюю политику, создавать и обеспечивать работу крупных вооруженных (легальных!) формирований участвовать в международных соглашениях, проводить суверенные заимствования и выпускать деньги, устанавливать и собирать налоги, предоставлять (и продавать) гражданство, а также обеспечивать дипломатический иммунитет своим союзникам. Однако в случае с коммерческим государством все эти действия ведут к перераспределению общественных активов в частные руки и созданию механизмов, способствующих поддержанию такого состояния.

Самой же слабой стороной «коммерческого государства» является его внутренняя неэффективность. Бенефициары, поддерживающие иллюзию своей деятельности в роли «нормальных» государственных служащих, не могут действовать открыто как собственники фактически приватизированной страны. Таким образом, для функционирования системы требуются невероятные транзакционные издержки. Чтобы чиновники могли получить деньги из бюджета, считающиеся их собственностью, им приходится инициировать проекты или предпринимать действия, стоимость которых многократно превышает тот бюджет, который в конце концов оказывается в нужных руках.

Следовательно, основная проблема «коммерческого государства» заключается не в том, что происходит значительное воровство государственных средств (что, по сути, является целью функционирования такой системы), а в том, что для сохранения видимости приличий значительно большее количество государственных ресурсов расходуется неэффективно. Это приводит к постоянному росту затрат на функционирование системы без улучшений ее результатов. Дополнительные проблемы возникают из-за повышения стоимости содержания бюрократии. В «обычном» государстве ответом на подобные процессы стала бы борьба с коррупцией, но в данном случае она не дает результатов: по мере того как риск государственной службы возрастает, увеличивается

«вознаграждение за риск» среди тех, кто готов участвовать в работе данной системы.

М. А. Краснов провел сравнительное исследование, посвященное корреляции конституционной конструкции власти и укреплению режима личной власти, которые могут привести к смене политического режима и имитационным конституционным трансформациям в 11 постсоветских странах, имеющих либо президентскую (Азербайджан, Таджикистан и Туркменистан), либо полупрезидентскую, либо смешанную (Россия, Беларусь, Армения, Грузия, Казахстан, Узбекистан и др.) форму правления [12, с. 29–30]. В отличие от Латвии, Молдовы и Эстонии, имеющих парламентскую форму правления и, как правило, не продуцирующих «вождистского стиля властвования» [13, с. 4], президенциализм сам по себе является существенным фактором формирования авторитарных режимов, особенно в условиях неразвитых демократических традиций.

Трансформации, происходящие с современными государствами и политическими режимами, в значительной степени обусловлены масштабными международными процессами, оказывающими огромное влияние на внутривластные изменения. Английский социолог и политолог К. Крауч, введя в научный оборот понятие «постдемократия», показывает, как изменение структуры предприятий приводит к ослаблению контроля над ними национального законодательства и, следовательно, к снижению эффективности демократических механизмов. Владелец глобальной компании, инвестирующей в разные страны, обладает значительной властью, но при этом не связан с каким-то определенным обществом. Они диктуют государствам, на каких условиях намерены осуществлять свои инвестиции, и добиваются одобрения этих условий через демократические механизмы. Изменяется структура компаний: из крупных организаций, управляющих реальными предприятиями, они превращаются в держателей брендов, логотипов, осуществляя производственный процесс на основе аутсорсинга. Ученый, однако, не согласен с тем, что компании стали слабее. Он отмечает, что «идентичность крупнейших реальных владельцев корпоративного капитала меняется очень медленно: это одни и те же группировки, более или менее одни и те же лица, проявляющиеся во все новых и новых масках и обликах». Сокращение формальной структуры позволяет им обеспечивать гибкость, оптимизируя свои расходы и не неся ответственности за деятельность субподрядчиков. «Невидимость становится оружием» [14, с. 57].

К. Крауч ясно формулирует причины возникновения «постдемократической» ситуации:

– крупные экономические корпорации выходят за пределы национальных государств и становятся столь

крупными, что эти государства теряют возможности контроля над ними (так как «демократия не успевает за темпами глобализации»);

– экономическое значение классов и групп, способных к организации, слабеет из-за общих изменений в структуре занятости населения;

– трансформация партийной структуры, снижение влияния идейных активистов и рост роли политтехнологов и лоббистов (что можно рассматривать как следствие предыдущего фактора);

– «коммерциализация гражданства», перевод на рыночную основу тех услуг, которые оказываются общественными учреждениями людям в порядке реализации их неотъемлемых гражданских прав [там же, с. 46].

Таким образом, существующий современный комплексный кризис социального государства, рыночной экономики и эгалитарной (народной) демократии возвращает проблематику функционирования новых механизмов обеспечения социально-политического порядка – таких, как государствоцентричная модель делегативной демократии или коммерциализированные государства. Эти иерархически организованные механизмы в идеологическом плане представляют собой своеобразное возвращение к стратегиям харизматической легитимации и сакрализации власти и политических решений, которые до недавнего времени воспринимались как историческая архаика. Тенденции к расширению регулирующей роли государственных дистрибутивных обменов и их неубедительные идейные обоснования вызывают нарастающий протест со стороны рыночных и модернизированных социальных групп, которые либо не видят перспектив улучшения своего положения в новых политических условиях, либо уже ощущают ухудшение своей жизни. Длительное существование подобной системы несет в себе риски стагнации общества и в целом подвергает сомнению возможность настоящей демократии в будущем. Более того, такие режимы часто используют свою «демократическую» инфраструктуру для укрепления авторитарных тенденций, что затрудняет процесс демократизации и перехода к более устойчивым формам правления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шкель С. Н. Постсоветский авторитаризм в сравнительной перспективе / С. Н. Шкель. – Уфа : Гилем, Башк. энцикл., 2014. – 352 с.
2. Джессоп Б. Государство : прошлое, настоящее и будущее / Б. Джессоп. – М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. – 500 с.
3. Политика и управление государством : новые вызовы и векторы развития : сборник статей / под ред. А. И. Соловьева, Г. В. Пушкаревой. – М. : Аспект Пресс, 2019. – 366 с.

4. Государство в политической науке и социальной реальности XXI века / под ред. И.С. Семененко (отв. ред.), В. В. Лапкина, В. И. Пантина ; ИМЭМО РАН. – М. : Весь Мир, 2020. – 384 с.

5. Мозаичное поле мировой и российской публичной политики. Политическая наука : Ежегодник 2020–2021 / Российская ассоциация политической науки ; [под ред. О. В. Гаман-Голутвиной, А. И. Соловьева, А. И. Щербинина]. – М. ; Томск : Издательство Томского государственного университета, 2021. – 438 с.

6. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / С. Хантингтон. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. – 368 с.

7. Глухова А. В. Политическая наука перед вызовами расколотого мира (конфликтологическое измерение) / А. В. Глухова. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2024. – 254 с.

8. О'Доннелл Г. Делегативная демократия / Г. О'Доннелл // Век XX и мир. – М., 1994. – № 7–8. – С. 185–198.

9. Меркель В. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях (I) / В. Меркель, А. Круассан // Политические исследования (ПОЛИС). – 2002. – № 1. – С. 7–15.

10. Вебер М. Феодализм, «сословное государство» и патримониализм / М. Вебер ; пер. с нем. и комментарии А. Ю. Антоновского // Ойкумена : альманах сравнительных исследований политических институтов, социально-экономических систем и цивилизаций. Вып. 8. – Харьков, 2011. – С. 225–255.

11. Айзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Ш. Айзенштадт ; пер. с англ. А. В. Гордона под ред. Б. С. Ерасова. – М. : Аспект Пресс, 1999. – 416 с.

12. Краснов М. А. Постсоветские государства : есть ли зависимость политического режима от конституционного дизайна? / М. А. Краснов // Сравнительное конституционное обозрение. – 2014. – № 2. – С. 29–45.

13. Линц Х. Дж. Опасности президентства / Х. Дж. Линц // Пределы власти. – 1994. – № 2–3. – С. 3–24.

14. Крауч К. Постдемократия / К. Крауч ; пер. с англ. Н. В. Эдельмана ; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 192 с.

*Воронежский государственный университет
Козлов К. Н., преподаватель кафедры социологии и
политологии
E-mail: kirill_kozlov96@mail.ru*

*Voronezh State University
Kozlov K. N., Lecturer of the Department of Sociology
and Political Science
E-mail: kirill_kozlov96@mail.ru*